

ЧТО ЕСТЬ ИСТИНА? (ИЛИ НАШ ОТВЕТ ЛОРДУ ЧЕМБЕРЛЕНУ)

В.Ф. ПЕТРЕНКО

Петренко Виктор Федорович — заведующий лабораторией факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, лауреат премии Президиума РАН им. С.Л. Рубинштейна за цикл исследований в области психосемантики сознания.
Контакты: pit@aha.ru

Резюме

Обсуждаются методологические аспекты построения психологического знания и предмета (или предметов) психологической науки. Рассматривается категория истины применительно к специфике психологической науки. Автор отстаивает конструктивистскую позицию в психологии.

Вначале хотелось бы выразить дружескую симпатию и искреннее уважение В.М. Аллахвердову, инспирировавшему своей яркой и полемической статьей «Блеск и нищета эмпирической психологии» полемику в журнале «Психология», и А.В. Юревичу, внесшему свежую философскую струю в мировосприятие психологов и еще ранее открывшему научную дискуссию по философско-методологическим проблемам на страницах журналов «Вопросы психологии» и «Психологический журнал». Необходимость такого обсуждения давно стала очевидна в силу значительных экономических, социальных и духовных изменений нашего общества, его системы ценностей и, как следствие, переоценки методологических основа-

ний гуманитарных наук. Декларативный отказ официальной идеологии от марксистско-ленинской методологии, от целей и задач социализма (практически выражающихся в формуле «спасение утопающих — дело рук самих утопающих») при частичном сохранении методов промывания мозгов и риторики советского режима, и раскрепощенная встречная творческая активность «научных масс» породили состояние реального идеологического плюрализма, который А.В. Юревич вслед за П. Фейерабендом называет методологическим анархизмом. В.М. Аллахвердов выступает против такого анархизма в психологической науке, ставит задачу построения своего рода «методологической вертикали»

для единственно правильной теории. Он считает, что «не могут быть одновременно верными бихевиоризм, психоанализ, теория деятельности, когнитивизм, гуманистическая психология и пр. Это не разные (а потому, мол, допустимые) описания одних и тех же явлений, а заведомо ошибочные описания, в лучшем случае *за исключением какого-либо одного подхода*».

И здесь можно было бы возразить В.М. Аллахвердову: перечисленные психологические теории работают не на одном поле психологической реальности, бихевиоризм и психоанализ, теория деятельности и когнитивная психология, гуманистическая психология и т. д. просто имеют различный предмет анализа, различную феноменологию и изучают разные аспекты. Предмет науки как идеальная модель задается методами (естественно, различными для указанных подходов) и специфическим языком описания, многие понятия которого операциональны (т. е. в свернутой форме содержат процедуру построения). И если язык бихевиоризма вполне адекватен (по крайней мере, для нынешнего состояния психологической науки) описанию процесса формирования навыка, то вряд ли с его помощью можно описать реальность экзистенциальных переживаний личности или процессы эмпатического сопереживания. В тех же областях, где интересы теорий пересекаются, они скорее по «принципу дополнительности» задают объемный, многомерный взгляд на проблему. И здесь я вполне солидарен с А.Г. Асмоловым, утверждающим, что претензия ученого на единственно правильную позицию является фор-

мой познавательного эгоцентризма. Согласно принципу «необходимого разнообразия» Эшби, чем более развитой является система (а наука является специфической системой знания), тем большее разнообразие должны содержать ее компоненты для поддержания существования и развития этой системы. На мой взгляд, в зависимости от познавательной задачи и области интереса ученый (как и обычный человек) использует различные аксиоматики, логики, познавательные стратегии. И познавательная стратегия естественнонаучного эксперимента при изучении, например, константности восприятия вряд ли уместна в экзистенциальном поиске смысла собственного существования. И вполне успешный ученый-сциентист оказывается младенчески голым, незащищенным и беспомощным перед проблемами жизни и смерти. Мы что-то можем сказать о деталях бытия (например, об объеме кратковременной памяти или оптимальном уровне мотивации) и почти ничего о главном — «ради чего и как жить». И это упрек всем нам, претендующим на роль психолога, «специалиста в области психической жизни», и в этом причина, справедливо указанная Аллахвердовым, тяготения отнюдь не худшей части психологов к религии.

В общем суть моих возражений сводится к тому, что нет единой психологической науки, а есть, скорее, конгломерат наук с разными объектами и методами исследования, называемый одним именем «психология», и ряд областей психологии (например, социальная психология), которые гораздо ближе по языку и методам к родственным научным

дисциплинам (например, социологии), чем, скажем, к психофизике или медицинской психологии. И вполне возможно, что в дальнейшем из «психологии» выделится целый букет предметных наук, как в свое время из философии выделились физика, химия, биология и сама психология.

Но приведенные замечания являются пока легкой разминкой в дискуссии, касаются спора о предмете (или предметах психологической науки) и не затрагивают главного смыслового стержня статьи Аллахвердова — о критериях истинности и возможности познания того, «что есть на самом деле».

Понятна озабоченность Виктора Михайловича тем, что «в современной отечественной психологии почти отсутствуют какие-либо объективные критерии оценки научных достижений. Психологи на фоне методологической вседозволенности и теоретической разобщенности стали легко соединять несоединимое, впрягая в одну телегу бихевиоризм, мистику Востока, психоанализ, концепцию деятельности, христианство, экзистенциализм и что угодно еще... Психологи всего мира признают наличие в психологии глубокого методологического кризиса. Просто в отечественной психологии он сегодня проявляется ярче всего» (Аллахвердов, 2005, с. 50).

Можно согласиться с суждением Виктора Михайловича о методологическом кризисе современного психологического знания.

Несмотря на обилие методологических парадигм (бихевиоризм и необихевиоризм, когнитивная психология, теория деятельности, психоанализ, гуманистическая психоло-

гия и пр. и пр.), в психологической науке последние лет 30 наблюдается своеобразный методологический застой. Психологи тех или иных направлений работают в рамках уже сложившихся парадигм, увеличивая объем эмпирии, и совершенствуют качество используемых методик, но не предлагают никаких кардинально новых идей. Почему-то соображения типа: «Достаточно ли безумна эта теория, чтобы быть верной?» (Нильс Бор) — возникают в физике микромира (с ее антиматерией и частицами с нулевой массой покоя, кварками и «странными частицами»), в космологии (с ее черными дырами и темным веществом, Большим взрывом и разбегающимися Вселенными, с крысиными ходами и галактическими струнами, параллельными мирами и матрицами «памяти Вселенной»), но не в психологии, своей умеренностью напоминающей добропорядочного буржуа, строящего свой маленький бизнес на основе пуританских ценностей умеренности и трудолюбия. Мир психологии бесконечно сложнее физического мира и нуждается в кардинальном переосмыслении базовых философских категорий (времени, пространства, реальности, бытия, знания, причинности, закона, смысла, истины, жизни, смерти, предназначения, судьбы).

Но как отличить безумные идеи от просто идей безумца или от «бреда сивой кобылы» самоуверенного графомана? Вряд ли тут помогут «несколько объективных критериев». Такими критериями могут быть и глубокие теоретические знания автора в обсуждаемой области (своеобразная «обязательная программа» перед сольным выступлением),

и собственные эмпирические исследования автора, демонстрирующие владение профессиональным ремеслом, и ориентировка в новейших публикациях зарубежных коллег (отсекающая робинзонов в науке), и широта естественнонаучного образования и гуманитарной культуры, просвещающие сквозь авторский текст, и следование собственной внутренней логике изложения при одновременной способности критически воспринимать ее с позиции оппонента (отсекающей больных шизофренией и идеи «фикс»), и пронзительное чувство свежести и новизны мысли, присущее истинным открывателям, отсекающим убогую массу апологетов и плагиаторов, пережевывающих чужие тексты. Но наряду с перечисленными показателями научной достоверности, присущими и естественнонаучной парадигме, в гуманитарной науке присутствует знание, основанное на чувстве сопереживания, эмпатии, своеобразном резонансе душ автора текста и читателя. Как полагает герменевтика (Х.Г. Гадамер, П. Рикер), если естественные науки — науки о познании, то гуманитарное знание — о понимании. Понимание же — это осмысление места, функции данности в контексте некоего целого. А поскольку любая система развивается, то и понимание подразумевает осознание данного в контексте, еще не реализованного, становящегося бытия. И в этом плане понимание — не констатация наличного состояния, а своего рода пророчество, видение потенциальных возможностей развития. Художественную иллюстрацию понимания личности другого дает Леон Фейхтвангер в романе «Братья Лау-

тензак», посвященном судьбе талантливого гипнотизера, ставшего «пророком партии». Известный скульптор вылепила маску старшего из братьев, увидев его таким, каким он мог бы стать в своем духовном развитии. Всю свою жизнь старший Лаутензак стремился дорасти до «собственного лица», но, связавшись с фашистами, потерпел духовный и физический крах.

Маска, портрет как модель «потребного будущего» (в терминах Бернштейна) или «непотребного» (в терминах В.П. Зинченко), например, в романе «Портрет Дориана Грея» — метафоры прогноза, свойственные гуманитарному знанию. Определение через возможность потенциального развития, сценарный прогноз — черта гуманитарной науки. Можно тут вспомнить и высказывание Н.В. Гоголя в заметке «Несколько слов о Пушкине»: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет». Интересно также наблюдение Ф.М. Достоевского, опубликованное в статье «По поводу выставки»: «Портретист усаживает, например, субъекта, чтобы снять с него портрет, приготовляется, вглядывается. Почему он это делает? А потому, что он знает на практике, что человек не всегда на себя похож, а потому и отыскивает "главную идею его физиономии", тот момент, когда субъект наиболее на себя похож. В умении приискать и захватить этот момент и состоит дар портретиста».

Эта способность видеть веер возможных сценариев (ведь наблюдаемый

человек обладает такой загадочной способностью, как свобода воли) и соотносить свое понимание человека с еще не ставшим, но возможным его бытием, пророчествовать его путь, «его Дао» — презумпция гуманитарных наук, отличие их от естественнонаучных (не понимающих, а изучающих).

Представим себе визуальный клип. Подъезжает молодой богатырь к развилке дорог и видит надпись на гранитном камне: «Направо поедешь — коня потеряешь, прямо — сам погибнешь, а пойдешь налево — начальником будешь». Почесал молодец свой богатырский затылок и повернул налево. И скачет молодец по дороге успеха, и падают солнечные блики на его лицо, и меняется оно, бронзовеет взгляд, обвисают щеки, и вот уже мерзкое мурло на жирном туловище болтается нашлепкой на богатырском коне: добрый молодец превратился в агрессивного гофмановского «крошку Цахеса».

Выбрав путь и идя по нему, человек неизбежно меняется, и наше новое Я — производное от прошлых выборов. Поэтому описывать человека, «как он есть на самом деле» (мы не физики, а психологи), так же неразумно, как пересказывать содержание романа, прочитав только начало. Последнее отчасти возможно, но только по бездарному стереотипному сюжету.

В.М. Аллахвердов определяет научную деятельность как субъективную деятельность, направленную на поиск истины. Оставим в стороне само сочетание «субъективная деятельность», демонстрирующее не совсем адекватное понимание теории деятельности. Деятельность не бывает

субъективной или объективной. Сама категория деятельности, согласно А.Н. Леонтьеву, была призвана снять субъектно-объектную парадигму и описать психологическую (феноменальную реальность) на языке бернштейновских колец, объединяющих внутреннее и внешнее (акцептор действия и эфферентный орган), где субъект и объект, по мысли Леонтьева, являются скорее предельными понятиями — полюсами деятельности. На мой взгляд, разработка категории деятельности по Леонтьеву представляет собой попытку перевести гегелевское саморазвитие духа (см.: *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа) с трансцендентального на уровень единичного субъекта. Выполненные под руководством и в русле идей А.Н. Леонтьева ранние теоретические построения В.А. Петровского, посвященные самоактуализации деятельности (проблема надситуативной активности) и призванные найти внутренние детерминанты саморазвития, построены по такой логике. Но эти, так сказать, методологические нюансы плохо различимы с другого берега.

Обсудим теперь концовку рассмотренного выше суждения Аллахвердова: «Научная деятельность — это субъективная деятельность человека, направленная на *поиск истины*», т. е. истина существует где-то сама по себе безотносительно к субъекту познания, а исследователь «находит ее». Это позиция по духу близка позиции Ф. Энгельса, утверждавшего, что в познании, срывая покрывала незнаемого, мы бесконечно приближаемся к объекту познания. Аллахвердов акцентирует эту идею, утверждая, что «ученый стремится

узнать то, что *есть на самом деле*». Эти представления характеризуют позицию многих не только отечественных, но и зарубежных ученых. Как отмечает Хилари Патнэм, «сегодня многие философы, а возможно, большинство, поддерживают некоторую версию "копирующей" теории истины, т. е. концепцию, согласно которой утверждение является истинным в том случае, если оно соответствует (независимым от сознания) фактам» (Патнэм, 2002, с. 9). Таким образом, теория отражения (или версия «копирующей теории истины») имплицитно содержится в мировосприятии большинства психологов и философов. Особенно парадоксально это звучит в тематике общения, межличностного восприятия, сознания и самосознания, где, казалось бы, уже сама проблематика подразумевает пристрастного наблюдателя, включенного в изучаемый процесс.

Мало того, что эта позиция антикультурно-историческая, так как полагает неизменность и независимость объекта познания от инструментария, социокультурных установок и языка исследователя. Если для естественнонаучных дисциплин с некоторой натяжкой (связанной с тем, что в сопоставлении с человеческой жизнью материя медленно, но все же эволюционирует) можно говорить о законах физического мира, то применительно к человеческой культуре, социуму и отдельной личности (в общем к гуманитарной науке) само познание творит мир. Человек живет в искусственной, им же созданной среде, в пространстве языка, культуры и науки, среди техники, виртуальной реальности компьютерных тех-

нологий и средств массовой коммуникации (т. е. внутри «третьего мира», по К. Попперу), и эта погруженность человечества в искусственную среду, им же созданную, только нарастает. Поэтому познание вне рефлексии мотивов, системы ценностей ученого как представителя некоей культуры (или цивилизации) без анализа методических средств и языка описания в попытке «узнать, что есть на самом деле», — такая же эфемерная задача, как попытка схватить руками голографическое изображение, чтобы пощупать, а какое же оно «на самом деле» без наблюдателя.

Так что есть истина? И возможна ли она? Среди многочисленных статей на эту тему есть одна — моего друга и коллеги А.П. Назаретяна — с красноречивым названием «Истина как категория мифологического мышления» (Назаретян, 1995). В ней утверждается, что понятие истинности неприменимо к модели (модельному мышлению). В ряде современных философских направлений (философия жизни, экзистенциализм, структурализм) это понятие истины утратило значимость, а в творчестве Ж. Дерриды, П. Фейерабенда, Р. Рорти объявляется «идеологически нагруженным» и «устаревшим».

Понятие истины полисеманлично. Классическое определение истины у Фомы Аквинского как «тождества вещи и представления» можно считать предтечей «копирующей теории истины». Позиция «копирующей теории истины» подразумевает единственность «правильной» теории объекта и полагает процесс познания как последовательное приближение познавательной модели к

объекту, к тому, «какой он есть на самом деле». С моей точки зрения, глубина познания и информативность модели не подразумевают ее подобия объекту. Например, Н.А. Бернштейн для описания движения человеческого тела успешно использовал дифференциальные уравнения, но вряд ли можно полагать, что мозжечок, ответственный за координацию движений, непрерывно вычисляет, считает диффуры. Или возьмем аппарат семантических пространств, разработанный Ч. Осгудом и Дж. Келли, успешно моделирующий когнитивные структуры сознания. Но вряд ли мы будем повторять ошибку В. Келера, на старости лет искавшего феноменальные поля в субстрате человеческого мозга, и в свою очередь займемся там поиском многомерных семантических пространств. По мере развития познания модели могут становиться все более информативными относительно объекта, но это не значит — подобными. Картины мира современных национальных культур (например, Франции и Японии) гораздо более многомерны и информативны, чем мировосприятие наших древних человекообразных предков. Но они заведомо различны, ибо впитали всю предыдущую национальную культуру, творчество многочисленных поколений предков. Национальные культуры — сад расходящихся тропок, и глобализация, задавая стандартизацию на более низких уровнях бытия, оставляет и даже отчасти обеспечивает возможность творческого разнообразия на более высоких уровнях человеческого бытия — уровнях человеческого духа. Расширяющая Вселенная Человеческой Сознания обогащает

ся все новыми и новыми инвариантами при одновременном увеличении разнообразия.

Но, помимо копирующей теории истины, есть по крайней мере еще две ее версии. Одна из них — это трактовка понятия истины как правильности исчисления предикатов или правильности символьных (знаковых) преобразований, т. е. истинно то, что соответствует таблице истинности. В этом плане, с точки зрения А. Тарского, доказательство теорем — это система тавтологических преобразований, и вся математика представляет собой парафраз аксиоматических понятий. Радикализация этой позиции привела к утверждению А. Айера о том, что «понятие истины может быть вообще исключено из науки в качестве "псевдопредиката"». «С другой стороны, получило новые импульсы и аргументы понятие теоретической истины, относящееся к семантическим связям внутри сложных концептуальных образований и не предполагающее сопоставления ни с какой онтологией, кроме производной от данной теоретической системы» (Касавин, 2001, с. 69).

Наш спор с Виктором Михайловичем о том, что есть истина, имеет уже некоторую предысторию. Осенью 2004 г. в психологической школе Московского университета, организованной студентами и аспирантами в память А.А. Леонтьева и Д.Б. Эльконина, шла дискуссия о неклассических и постнеклассических формах психологического знания. В выступлении (как и в этой статье) я занимал скептическую позицию в отношении понятия истины как формы соответствия знания объекту познания. Я использовал в докладе выдержки

из Р. Рорти, и Аллахвердов задал «убийственный» и ехидный вопрос: верно (истинно) ли я цитирую, в том смысле, что действительно ли использованная мной цитата соответствует некому фрагменту текста Рорти? (Это легко эмпирически проверить, раскрыв соответствующую книгу на указанной странице.) Чем не «практика — критерий истины»? Мой положительный ответ подразумевал бы необходимость и целесообразность категории истины в данной практической ситуации. Операционально я могу проверить соответствие двух «планов выражения», соотнеся текст моей цитаты с текстом Рорти. Аналогично тому, как математик, доказывая геометрическую теорему, предлагает сделать мысленное наложение геометрических форм друг на друга. (Гипотетически полагается, что мысленное вращение в ментальном пространстве не изменяет метрических соотношений этих фигур. Аналогично предполагается, что разнесенная во времени процедура прочтения двух идентичных планов выражения породит идентичные планы фигуры содержания, которые и составляют суть цитирования.) Но процедура установления тождества текстов, в каком-то плане идентичная процедуре измерения, не идентична построению высказывания об истинности и, тем более, не решает вопроса методологической целесообразности этого понятия. Вот мой ответ Аллахвердову. Необходим концептуальный анализ, своеобразная деконструкция психологической терминологии, выросшей на почве обыденного языка и имплицитно содержащей фигуры мифологического и синкретического мышления. (Чего

только стоит проблема «псевдосубъекта действия», подмеченная еще А.А. Богдановым и описанная нами с Б.А. Ермолаевым в 1976 г.!) Необходимость концептуального анализа базисных понятий, требующая совместной работы психологов, лингвистов и логиков, вполне понимается и разделяется В.М. Аллахвердовым (судя по его предложению использовать индексы достоверности знания и т. п.), но мало осознается подавляющим большинством отечественных психологов, стоящих на позиции наивного реализма и бездумно оперирующих понятиями «объективная действительность», «психологическая реальность» как некоей непосредственной онтологической данностью.

Наконец, существует трактовка истины как некоторого идеала, к которому человек духовно стремится. «В христианстве истина — это не дискурсивное понятие, не теория, не учение, не смесь учений, но живая богочеловеческая Личность, исторический Иисус Христос» (Преподобный Иустин, 2004, с. 71). Ю.А. Шрейдер отмечает, что вопрос «Что есть истина?» некорректен, и, вспоминая библейские слова Христа «Аз есмь Истина» и «Аз есмь Путь» («Я есть путь и истина»), полагает, что следует ставить вопрос: «Кто есть Истина?» (Шрейдер, 1999).

Такая постановка вопроса, на мой взгляд, ближе к гуманитарным наукам, наукам о понимании, где свободный выбор жизненного пути личности предусматривает и личный выбор Истины как выбор пути Будды, Христа, или Магомета, или еще не хоженного пути мыслителя, ученого-первооткрывателя.

Литература

- Аллахвердов В.М.* Блеск и нищета эмпирической психологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2, № 1. С. 44–65.
- Богданов А.А.* Тектология. Всеобщая организация науки. М.: Экономика, 1989.
- Ермолаев Б.А., Петренко В.Ф.* К вопросу о глубинных семантических структурах // Структуры познавательной деятельности. Владимир, 1976. С. 107–129.
- Назаретян А.П.* Истина как категория мифологического мышления // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 105–108.
- Касавин И.Т.* Истина. Истина как норма. Истина как дескрипция. Истина, дескрипция и экспертиза // Новая философская энциклопедия. М., 2001.
- Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психол. журн. 2002. № 3. С. 113–121.
- Патнэм Х.* Разум, Истина, История. М., 2002.
- Преподобный Иустин (Попович).* Философские пропасти. М., 2004.
- Шрейдер Ю.А.* Ценности, которые мы выбираем. 1999.
- Элен П.* Удивление — пафос философской мысли // Разум и экзистенция. СПб., 1999.